

ЖЕНЩИНА, МАСКИ И СТЫД

Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке / Пер. с англ.

Е. Канищевой, А. Красниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

176 с.: ил. (Серия «Библиотека журнала „Теория моды“»).

Мужчина — культура, женщина — природа. Мужчина — день, женщина — ночь. Мужчина — солнце, женщина — луна. Мужчина — рацию, женщина — эмоцию. Мужчина — аскетизм, женщина — консюмеризм. Мужчина — постоянство, женщина — изменчивость. Изменчивая мода, конечно же, обладает женской натурой; женщины, конечно же, гораздо больше подвержены влиянию моды. Нельзя сказать, что Ребекка Арнольд, британский историк моды, подтверждает это клише, однако на страницах «Моды, желания и тревоги», исследования, вышедшего в рамках проекта «НЛО», действительно правит *femme*: женщин-моделей, -дизайнеров, -общественных деятелей, -искусствоведов количественно больше, нежели мужчин.

Говоря о «власти и статусе, насилии, сексе и гендере в контексте их отношений с модой и модными образами», Арнольд отказывается от хронологического принципа в чистом виде: каждая глава книги раскрывает конкретный концепт, так или иначе связанный с фэшн-индустрией. Первую часть произведения — «Статус, власть и зрелище» — условно можно было бы окрестить «экономической». В ней следование моде соотносено с желанием репрезентировать высокий статус, подчеркнуть принадлежность к высшим кругам общества, а также намекнуть на соответствующий финансовый доход: в эпоху позднего капитализма с его ускоренным устареванием вещей необходимо тратить много денег, чтобы не прослыть ретроградом с дурным вкусом. Возможность примерять на себя различные маски — сегодня отдавать предпочтение легковесному шелковому платью со струящейся юбкой из гардероба романтической мечтательницы, а завтра забыть о платье и носить исключительно брюки с пиджаками широкого кроя, как подобает уверенной бизнес-леди — и возможность приобретать эти «маски», самостоятельно оплачивать их стоимость символизируют женскую эмансипацию. Иными словами, способность покупать стала тождественной освобождению: вырваться из оков патриархата можно не только при помощи митингов и акций протеста, но и при помощи удачного шопинга. Арнольд весьма точно замечает, что сам костюм при этом совсем необязательно должен выглядеть дорого — «дорогим», то есть признанным, должен быть его лейбл: бирка со звучным именем свидетельствует о том, насколько авторитетен в дизайнерском мире ее создатель. Так, скажем, нарочитая непритязательность эко-стиля Линды Лаудермилк стоит не дешевле, чем роскошные наряды Диора. В заключительном разделе первой главы, «Эко», автор говорит о необходимости того, чтобы мода брала ответственность за свою деятельность:

«Нравственные установки, которые мода передает визуально — и образами, и вещами, — позволяют нам использовать потребление как освобождающую силу, но надо также осознавать, что мода, как все большие индустрии, обязана помнить об этике своего производства и бизнеса. Хотя во времена нестабильности мода может давать людям чувство, пусть и мимолетное, единения с природой и естественности, она должна брать на себя ответственность за свои злоупотребления, за жестокости капитализма, которые она так явно отражает».

Этот пассаж, на мой взгляд, звучит несколько наивно: мода (как и женщина?) неморальна, она лишь метафорически отражает общественные настроения и остроумно переосмысливает фэшн-опыт прошлых эпох. Мода циклична, как и история,

и точно так же равнодушна. Чтобы быть поклонником «эко», не нужно становиться вегетарианцем и жертвовать часть зарплаты на спасение планеты от глобального потепления — достаточно приобрести ботильоны из кожзама, не уступающие по ценнику обуви из натуральной кожи.

Отсутствие финансовых возможностей и, следовательно, выбывание из потребительской гонки приводит к тому, что желание социального одобрения компенсируется через единение с субкультурами, отрицающими истеблишмент. Панки, скинхеды, эпигоны декадентствующей богемы, замороженные гитарными запилами гранжа, — все эти группы вступают в конфронтацию с идеальным, исключаящим любое несовершенство и оттого искусственным миром глянца. Важной объединяющей особенностью этих стилей явилась ориентация не столько на эпатаж, сколько на эстетизацию насилия, отраженного в агрессии к окружающим, увлечении суицидальными настроениями и употреблении наркотиков. Говоря во второй главе книги о столь пугающих тенденциях, автор замечает, что образ женщины-жены и матери полностью отвергается контркультурой, иронично высмеивается, приравнивается к мещанству высшей степени. Представительницы прекрасного пола остригают волосы и выбривают ирокезы, наносят гротескно яркий макияж, надевают тяжелые ботинки с непозволительно короткими юбками — и вовсе не стремятся выглядеть привлекательными и сексуальными. Арнольд, рассматривающая историю моды в том числе через аспект телесности, подчеркивает, что в XX веке красота женского тела отвергается, поскольку она связана с ценностями патриархального мира, а значит, нивелирует все достижения в борьбе за равенство полов. Кажется, автор не скрывает симпатий к феминизму, однако пафос текста далек от назидательности и интонаций призывающей агитки: только факты и их сдержанный анализ.

В эпоху постмодерна мода относится к маргиналиям не со страхом или пренебрежением, а с положительным любопытством: отрефлексированное ультранасилие становится трендом, агрессивная «униформа» скинхедов эволюционирует в популярный «кэжуал», а Вивьен Вествуд, дива панк-рока, устраивает показы в рамках лондонской Недели моды. Эти феномены фэшн-мира если не полностью отвергли, то, по крайней мере, заметно пошатнули диктат морали, утверждает Арнольд в третьей главе книги. И все-таки, несмотря на точность замечаний и действительно необычный ракурс исследования, нельзя не заметить некое противоречие в композиции «Моды, желания и тревоги»: по сути, вторая и третья главы взаимопроникаемы, ведь их объединяет тема телесности — точнее, отрицания телесности и связанного с ней стыда. В части «Насилие и провокация» автор рассказывает о том, как и зачем агрессивный панк-стиль эксплуатирует эротизм, а в «Эротизированном теле» демонстрация обнаженной плоти соотносена с насилием над личностью, с детства усвоившей все общественные табу на откровенную одежду. Кроме того, в широком смысле, насилие над телом — это и изнуряющие спортивные тренировки, и инъекции молодости, и жесткие диеты — все те меры, которые позволяют соответствовать заданным стандартам подиума.

Однако чтобы мода могла воздвигнуть новые рамки, ей необходимо разрушить старые. Точнее, отобразить разрушение, происходящее в современном мире: например, гляцевые журналы, нисколько не смутившись, подхватили веяния, связанные с таким социальным явлением, как размывание гендерных границ. Эта тема является стержнем заключительной главы исследования, и, что любопытно, именно в ней наконец появляются мужчины. Тем не менее оппозиции «мужское»/«женское» больше не существует: мода устала от четких разделений и предпочитает амбивалентность. Стиль унисекс, андрогинность как идеал красоты, интерес к переодеванию демонстрируют желание человека отринуть тоталитарную Норму —

и моральную, и эстетическую, и даже бытийную, что сигнализирует об утрате стабильности общества и неверии в ее возможность в принципе.

Автор порицает подобные метаморфозы? А может, напротив, встречает с воодушевлением? О нет, Ребекка Арнольд отказывается от оценок. Ее цель — представить максимально полный обзор феноменов модного мира, сконструированного из определенных лейтмотивов. Книга сопровождается вклейками фотографий, поэтому почувствовать себя профаном в этом калейдоскопе брендов, стилей, фасонов и тканей едва ли удастся. Несмотря на то, что впервые исследование было опубликовано в 2001 году, его русскоязычный перевод вышел только 15 лет спустя — большой срок для непостоянной фэшн-индустрии. За этот период появились новые тенденции и новые имена, пластическая хирургия и прочие бодимодификации перекочевали из андеграунда в мейнстрим, а феминизм, кажется, сменяется тоской по образу «чистой женственности». Но идея, заложенная в основу книги, все-таки бессмертна: мода — это искусство. Искусство красиво менять маски и балансировать на грани запрещенного и дозволенного, искусство трикстерства, дерзкое и непримиримо элитарное, находящееся за гранью добра и зла. Считаете интенцию неоправданно восторженной? Исследование Арнольд переубедит вас, будьте уверены.

Анастасия КОВРИЖКИНА